

Бабанова—Софья

Роль Софьи в «Зыковых» — первая горьковская роль М. И. Бабановой. В работе над этой ролью, может быть, не впрямую отвечающей данным актрисы, перед ней встал ряд новых творческих задач.

Большой труд актрисы над воплощением горьковского образа привел к интересным и значительным результатам. К тому, что в образе Софьи были найдены и воплощены новые черты, новые грани, раскрывающие глубину горьковской мысли...

В первом акте пьесы Софья—Бабанова еще не вмешивается активно в ход событий, она больше присматривается, наблюдает, следит за людьми, покуривая папиросу, чуть прищурив умные, насмешливые глаза.

Внезапное решение Антипы жениться на невесте сына, согласие Павлы на этот брак, вообще все это странное сватовство кажется ей чем-то диким, нелепым. В какие-то минуты ей словно становится душно в этой угарной атмосфере, она стискивает виски, морщится.

«С вами—больше, чем скучно... с вами — ужасно!», — вырывается у нее тоскливый вздох.

Все поведение Софьи, даже ее внешний облик, оправдывает слова Антипы: «Ты—чужая... ты другая...», «Ты уже не нашего, Зыковых, гнезда...».

Софья—Бабанова вступает в жизнь спектакля словно нехотя, она все время внутренне сторонится этих людей, ей не хочется тратить себя, свою духовную энергию на их беспланные мысли и чувства, на их бессмысленную борьбу, безысходные драмы, которые так ясно назревают уже в первом акте.

Но то и дело ей приходится вмешиваться—успокаивать брата, урезонивать Михаила, говорить с Павлой. Мало-помалу она невольно втягивается в мутный водоворот этой жизни.

По своей натуре Софья не может оставаться пассивной, бездельной, и мы видим, что ее начинает волновать и поздняя любовь Антипы, и судьба Павлы, и тоска Михаила, и многое другое.

Она не может говорить с людьми равнодушно, бесстрастно. Бабанова убеждает в том, что у ее Софьи пылкое сердце, умные, зоркие глаза, внимательные к людям и к жизни. Ни одна из фраз Софьи не звучит у Бабановой сухой сентенцией, поучением—мы ясно видим, что все сказанное ею не только продумано, но и глубоко прочувствовано.

Вот она дает резкую и горькую отповедь Муратову, и вместе с гневом в ее словах слышится боль — боль от сознания, что нравственно гибнет когда-то дорогой для нее человек.

С Павлой она говорит бережно, с материнской доброй строгостью. С грустью наблюдает она, как растет отчуждение Павлы и Антипы, как все дальше отходит она от него.

«Ну—хорошо тебе — спокойно, сладко — с молодой?», — вся дрожа от гнева, спрашивает она Антипу.

В этих полных негодования словах Софьи—Бабановой слышится упрек брату не только за его неразумный брак, но и за свою собственную судьбу.

«Бто меня за умирающего замуж выдал?», — с горьким укором скажет Софья Антипе в последнем акте.

Бабанова своим исполнением заставляет задуматься над личной судьбой Софьи, в ее игре оживает прошлое этой женщины: мы ясно можем представить, как юную, тогда еще совсем беспомощную девушку оттащи за больного, озлобленного старика, грубо исковеркав ее жизнь.

„Зыковы“ на сцене Московского театра драмы

И теперь еще в этой сильной и деловой женщине живет что-то от ее молодости, живет мечта о счастье, нетронутая чистота души.

Бабанова играет так, что по нервной порывистости ее движений, по задушевности ее чистого голоса, по ясности ее взгляда мы можем увидеть, что Софья, эта немолодая, властная, немного усталая и насмешливая женщина, совсем еще по-девичьи ждет, грустит и тоскует. Мы видим, что она сохранила и пронесла свою мечту, свою веру через выпавшую ей нелегкую жизнь, отстояла, защитила, спасла от грубого натиска грязи, пошлости и бесчеловечности. В ней живет глубоко запряная, может быть, даже несколько наивная вера в людей. Именно этим объясняется, что она, например, не сразу разглядела подлинную сущность Хеверна, и то, с каким трогательным девичьим трепетом ждет она «хорошего человека», мечтает о настоящей любви.

Но, испытав горечь и грубость жизни, Софья—Бабанова научилась защищать лучшее, что есть в ней, как в женщине и человеке. Властность, твердость, ирония и деловитость—все это служит ей как бы панцирем, которым она защищает все самое сокровенное и чистое в себе. Огромная сила сопротивления, огромная воля помогают Софье—Бабановой защитить свой хрупкий мир по-девичьи светлых надежд, мечтаний и веры от гибели, от оскудения, от поругания.

И мы видим, как она борется за свою веру в людей, за веру в «возможность иной жизни». Ее диалоги с Муратовым, с Хеверном—это напряженные бои, в которых Софья ожесточенно и упорно отстаивает и защищает свой внутренний мир с мечтой о материнстве, с жадной чистой, осмысленной жизнью.

Образ, созданный Бабановой, вырастает в спектакле, как противопоставление образу Павлы с ее фальшивой философией жизненной пассивности, смирения, кротости, ханжеского всепрощения.

Софья—Бабанова глубоко взволнована своей мечтой о «хороших людях», своим стремлением «освободить людей от страха друг перед другом», своей верой в другую, настоящую Русь...

«Святенькая» Павла с ее желанием «пожить тихо, чтобы все вокруг были добрые, улыбались бы...» рядом с такой Софьей кажется особенно фальшивой, эгоистичной и бескрылой.

И как бы ни обманывала, как бы ни разочаровывала Софью жизнь, она не перестает ждать и надеяться.

...Ползут унылые, душные будни. Хотя ленивые, истомленные тоской и бездельем люди. И среди них — эта хрупкая на вид, но такая сильная внутренне женщина, неизменно подтянутая, одетая строго и в то же время нарядно. Словно не хочет она замечать убогих будничных дней, словно все время ждет чего-то нового, значительного, интересного... И все в ней не вяжется с буднями зыковского дома. Она вся в каком-то предпраздничном волнении, она вся полна ожидания чего-то лучшего и в каждую минуту готовит себя к встрече с этим лучшим, будь то прекрасный человек, мысль, чувство или событие.

Проходят дни, а праздник так и не наступает; но она не слается, не устает ждать его. Хоть и сознает, что «до праздника—далеко... И сделано для праздника—мало...».

Софья—Бабанова пытается работать, заниматься хозяйством, помогать окружающим людям, но она уже не может не чувствовать, не сознавать, что делает не то, что сама-то она ничем не приближает праздника.

«Есть где-то люди, которые чувствуют жизнь так же, как я», — говорит Софья; но что это за люди и где они, — не видит, не знает.

И ясно видишь, что эта уверенная и твердая хозяйка зыковского дела чувствует себя часто беспомощной, одинокой.

Отвечая на упрек сестры о ее загубленной жизни, Антипа говорит ей: «Зато — богатая ты, первая в уезде. Сильнее всех дворяншек...».

Бабанова тонко показывает, что именно в этой «силе» Софьи — источник ее слабости, одиночества и тоски, что эта «сила» не дает ей подлинного человеческого счастья и радости. Софья сама внутренне не свободна от влияния этой силы денег, она привыкла к тому, что ею, в конечном счете, определяются человеческие судьбы и отношения.

Раскрывая внутреннюю силу и чистоту горьковской героини, М. Бабанова показывает слабость ее жизненной позиции, обреченность ее попыток утвердить свои моральные принципы, обрести подлинное счастье, не порывая с делом и средой зыковых, хевернов, муратовых.

«Жизнь проходит в пустяках, в тумане...», — горько говорит Софья—Бабанова во втором акте.

Если она не сумеет отказаться от своей «силы», вырваться за пределы своей среды, — в ней бесплодно умрет мечта о лучшей жизни, погибнут незаурядные душевные качества, жизнь так и пройдет «в пустяках, в тумане...».

Нельзя не сказать о том, с каким мастерством перелает Бабанова мысль Горького, его великолепный текст. Шукин, рассказывая о работе над Булычковым, писал: «Язык Булычова — как стихи. Фраза законченная, круглая, ритмически четкая. Ее не хочется, нельзя говорить случайно, мельчить... Здесь нельзя положиться на то, что, мол, основное состояние куска освоено, текст сам скажется. Нет, этот блестяще отшлифованный текст требует достойной его блеска тщательной и любовной актерской отделки».

Мастерство Бабановой, ее любовный и тщательный актерский труд привели к тому, что горьковский текст звучит у нее с настоящим блеском и поэтичностью, в моменты особого лирического подъема—почти, как стихи. Мысль Горького Бабанова передает во всех ее тончайших оттенках, взволнованно и точно.

Роль Софьи в пьесе М. Горького «Зыковы» на сцене Московского театра драмы — несомненно, серьезный и значительный этап в творчестве М. Бабановой.

Если раньше актриса в создаваемых на сцене образах по преимуществу переладала брожение человеческой личности, становление характера своих юных героинь—Анки, Полины, Джульетты, Тани, то здесь, в Софье из «Зыковых», М. Бабанова воплотила образ горькой вской женщины во всей его прекрасной и сложной духовной зрелости, во всем расцвете ее интеллекта.

Первая встреча с драматургией Горького необычайно расширила творческий диапазон актрисы. Можно смело сказать, что неисчерпаемое богатство новых творческих возможностей и перспектив открылось в даровании М. Бабановой. И, пожалуй, главное, чем можно определить новое в ее искусстве, — с особой силой проявившееся умение создавать образ одухотворенного, умного, глубоко мыслящего человека.

Б. ЛЬВОВ-АНОХИН.